

Коммунар
2. Муз. д.
16 ФЕВ. 47

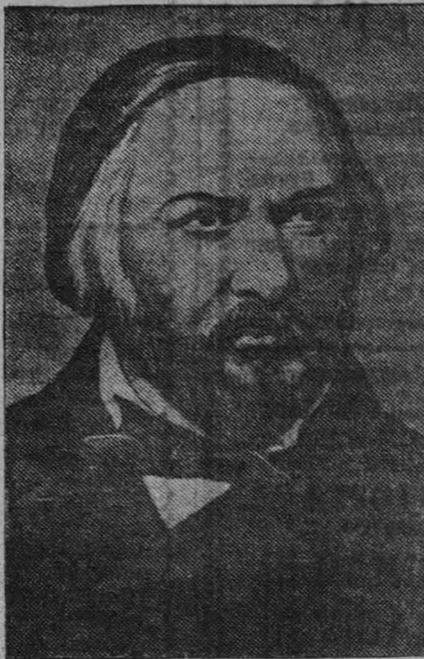
Гений русской музыки

(К 90-летию со дня кончины М. И. Глинки)

Девяносто лет назад, 15 февраля 1857 г., скончался Михаил Иванович Глинка, великий русский композитор. Четверть века спустя на родине композитора, в городе Смоленске, по всенародной подпике был воздвигнут памятник с краткой надписью «ГЛИНКЕ — РОССИЯ». Никакая, самая красноречивая эпитафия не в состоянии полнее выразить любовь страны к ее славнейшему художнику.

Гений Глинки во многом подобен лучезарному гению Пушкина. Как Пушкин явился создателем русского литературного языка, так Глинка был творцом русского музыкального языка. Все выдающееся в истории русской музыки, в конечном счете, ведет свою родословную от «отца русского музыкального искусства» — М. И. Глинки.

Родился Глинка в 1804 г., в родовой усадьбе своего отца, отставного капитана русской армии. Здесь протекло его детство, здесь он почерпнул свои первые музыкальные впечатления, оставившие неизгладимый след в его творчестве. Сам композитор в своих автобиографических записках признает, что его первыми музыкальными учителями были смоленские крестьяне и что родная природа, песни

и хороводные игры крестьянской молодежи внушили ему поэтические чувства и любовь к народной музыке. Игре на скрипке он обучался у дворового музыканта своего дяди.

Более серьезные занятия начались тогда, когда юноша был отдан в петербургский «Благородный пансион». Некоторое время он брал уроки у знаменитого шотландского пианиста и композитора Джона Фильда, нашедшего в России свою вторую родину. Когда в 1830 г. Глинка по совету врачей отправился в Италию, он был

уже автором ряда произведений.

Все три года пребывания за границей Глинка посвятил изучению музыки. Великолепно усвоив мастерство вокального письма, он создал ряд певческих и инструментальных произведений, имевших огромный успех. Сочинения Михаила Ивановича издавались итальянскими фирмами и исполнялись прославленными певцами. Но это не принесло удовлетворения художнику. Овации итальянской публики и все красоты чужой природы не могли заменить ему родины. Русский человек по духу и воспитанию, Глинка, по собственному признанию, скоро убедился в том, что он шел «не своим путем». Знаменательны слова, записанные в дневнике композитора:

«Тоска по отчизне навела меня на мысль писать по-русски».

Еще в Италии художник делал мечту о создании русской оперы. По приезде в Россию, он с восторгом ухватился за сюжет, предложенный ему В. А. Жуковским. Так возникла первая русская героико-патриотическая опера «Иван Сусанин», которой суждено было стать поворотным пунктом не только в истории русского, но в значительной мере и мирового музыкального искусства. Опера была поставлена в Петербурге в декабре 1836 г. Известный писатель того времени, Нестор Кукольник так отзывался об этом выдающемся творении: «Великое событие в области русского художества совершилось! Русский театр был свидетелем восторга неопишемого...».

В чем же бессмертное, непреходящее значение оперы «Иван Сусанин»? В том, что она представляет собой поразительное, еще невиданное в истории искусства, музыкальное воплощение героического духа великого народа. Гениальный композитор создал единый и колоссальный художественный образ, запечатлевший в себе все главные черты и особенности русского человека — истинное великодушие, высокий патриотизм, благородную простоту и ясность душевного облика, сметливость и остроту ума, безграничную отвагу и смелость.

Великое значение «Ивана Сусанина» состоит также в том, что эта опера положила начало реалистическому направлению в русской музыке. Правдивость и народность музыкального языка — такова важнейшая ее особенность.

Значение второй оперы Глинки «Руслан и Людмила» не менее велико. По словам замечательного русского критика Г. Лароша, «почти все мелодии «Руслана» носят несомненный отпечаток русской народности, улучшаясь с той или иной стороны наилучшим из наших народных песен... Это мы и слышим с первых же тактов увертюры, с первых ее аккордов, мощных и радостных. Дух бодрости и отваги дух торжества делают эту увертюру достойным и глубоким выражением одной из основных черт нашей народности — выраже-

нием того смелого удалства, поэтически-му возвеличению которого так часто посвящены наши народные предания и сказки».

Фантастический мир пушкинской богатырской поэмы воспроизведен в опере с гениальнейшей глубиной и полнотой. Пленительной жизненностью проникнуты все ее образы: и богатырь Руслан, и его невеста Людмила, и комический герой Фарлаф, и хазарский витязь Ратмир — все они словно оживают в музыке. По роскоши и богатству мелодического материала, по необычайному разнообразию и изысканности технических деталей, по изумительной изобретательности гармонических приемов и мастерству оркестрового письма — «Руслан и Людмила» может быть поставлена даже выше первой оперы Глинки. Во всей мировой музыкальной литературе нет ничего, что могло бы идти в сравнение с дивно поэтическими сценами в замке волшебницы Наины или в замке Черномора.

Эти сцены имеют и другое значение — здесь впервые в истории русской музыки появляется музыкальное изображение Востока. Можно с уверенностью сказать, что ни «Шехерезада» Римского-Корсакова, ни половецкие пляски из оперы «Князь Игорь» Бородина не были бы возможны без их предтечи — восточной музыки «Руслана и Людмилы». Надо заметить к тому же, что только в русской музыке разработка восточных мотивов достигла подлинной и высокой художественности. В музыкальных культурах других стран эта тема лишь в самых редких случаях поднимается выше дешевой экзотики, «восточной парфюмерии» и никогда не достигает уровня, характерного для произведений русских классиков.

Значение творчества Глинки для русского музыкального искусства всеобъемлюще в самом полном и исчерпывающем смысле этого слова. Общеизвестно, что русская балетная музыка составляет вершину современного симфонического балета, что три балета Чайковского «Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Щелкунчик» до сих пор являются непревзойденными образца-

ми мировой балетной музыки. Основы столь полного и абсолютного торжества русского балетного искусства были заложены в танцах оперы «Руслан и Людмила». Предтечей знаменитых вальсов Чайковского является бессмертный «Вальс-фантазия» Глинки.

Симфонических произведений Михаил Иванович написал немного: одна незаконченная симфония, две увертюры на испанские темы, «Вальс-фантазия» и фантазия для симфонического оркестра — «Камаринская». И тем не менее он вполне основательно считается родоначальником русской симфонической школы. Любое из его симфонических произведений является шедевром. Недаром Чайковский утверждал, что в «Камаринской» Глинки заключена вся русская симфоническая школа.

Симфоническое, оркестровое мастерство гениального композитора было высоко оценено самым выдающимся авторитетом в этой области — великим французским композитором Берлиозом. Во время пребывания русского композитора в Париже Берлиоз писал о нем: «Талант его гибок и разнообразен; его стиль имеет редкие достоинства... он великий гармонист и пишет для инструментов с тщательностью и знанием самых передовых и полных жизни современных оркестров».

Огромное значение имели и песенно-романсовое творчество Глинки. Композитор написал около 90 романсов и песен. Каждое из этих произведений — настоящий перл искусства. Романсы «Я помню чудное мгновенье», «В крови горит огонь желанья» и многие другие составляют, по выражению одного из исследователей глинковского творчества «вечный вклад Глинки в творчество русской песни».

Количество художественное наследие Глинки очень невелико. Но вот уже целое столетие музыкально-критическая мысль разрабатывает это наследие, и все еще тема о великом композиторе далеко не исчерпана. И это весьма понятно. Глинка принадлежит к тем немногим творческим гениям, которые служат как бы живым отпечатком целой эпохи, и целого народа.

В. ГОРОДИНСКИЙ.